

леднее время дало несколько поразительных доказательств этой отчужденности¹.

Пусть не говорят нам, что эти факты не имеют значения с точки зрения внешнего могущества и внешней безопасности государства. Мы, наоборот, думаем, что они именно с этой точки зрения имеют огромное значение.

"Внешняя мощь" на самом деле не есть "нечто" только "внешнее", только весомое и только исчисляемое. Она неразрывно связана с нравственными силами. И там, где их нет налицо, там нет силы, а есть бессилие.

Сила государства опирается вообще на своеобразное сочетание внешней материальной мощи с нравственной крепостью. Нужно и то, и другое, а у нас пока нет ни того, ни другого, поскольку государственная жизнь творится официальной Россией.

ДВА НАЦИОНАЛИЗМА²

Как были разбиты иллюзии октябристов? — Социал-демократы в роли октябристов. — Фикция "внутринадельного разверстания". — Маленький акт 3 июня, направленный против октябристов. — Противоречия официального национализма. — Он является либо творцом, либо пестуном национальных сознаний и притязаний угнетаемых народностей. — Два национализма: открытый, или завоевательный, и замкнутый, или оборонительный. — Какая национальная политика может создать Великую Россию? — Национализм, для того чтобы быть сильным, должен иметь народную основу. — Роковое бессилие нашего официального национализма

Прения по запросу, внесенному социал-демократами, о разъяснении ст. 96 — увы! — всецело подтвердили ту характеристику положения вещей в обновленной России, которую, пишущий эти строки дал в ноябрьской книжке "Русской Мысли"³ и за которой один иностранный наблюдатель, скорее благосклонный к нашей правящей среде, признал "внутреннюю правдивость"⁴.

¹ Цитируем из "Русского Знамени" следующее перечисление ряда фактов, из которых некоторые достаточно характерны с указанной точки зрения:

"Назначены из русских душою и сердцем людей: министром путей сообщения Рухлов и обер-прокурором Св. Синода Лукьянов.

Порадовался "Союз русского народа" оправданию Сенатом полицеймейстера г. Пабианиц Ионина, который почти 3 года невинно мучился в жидовских и кадетских когтях.

Порадовались все верноподданные все милостивому рескрипту от 27 апреля о неутверждении законопроекта о морских штатах, который пробовали "парламентские руки" провести в "конституционном порядке". В этом рескрипте даровано с высоты Престола всем понятное знамение, что у нас — слава Богу! — нет конституции.

Завершился же минувший год высокорадостным событием: последовало высочайшее помилование невинно осужденных средневековым шведо-финским судом Юскевича-Красовского и Половнева".

² "Русская Мысль", 1910 г., июнь.

³ См. выше статью "17 октября 1909 г."

⁴ *Theodor Schiemann: "Deutschland und die grosse Politik anno 1909", Berlin, 1910.*

Не правительство — ибо в России в политическом смысле нет ни просто правительства, ни "объединенного правительства", а есть колеблемая ветром коллегия сановников, которой присвоено название совета министров, — а те силы, которым принадлежит решающий голос в государственных делах нашей страны и которые решают поведение и судьбу самого правительства, еще раз показали, что они не желают иметь конституции и в то же время не могут обойтись без нее, желают иметь самодержавие и не могут идти в этом отношении до конца, т. е. вернуть страну к тем порядкам, которые господствовали до осени 1905 г. Эти силы могут многое, но не могут всего.

Когда совершен был акт 3 июня, о котором ни писанная, ни творимая история еще не сказала своего не только последнего, но и первого слова, — вместе с созданием умеренного народного представительства, враждебного радикальным политическим переменам и глубоким социальным преобразованиям, казалось, наступила эпоха согласного деяния правительства и народного представительства. То было время, когда Гучков и его друзья мечтали о том, что в единении с органами правительства свободное от подозрений и ревности, поддерживаемое доверием других факторов власти народное представительство начнет историческое строительство во всех областях и на всех путях государственной и народной жизни. Особенно манила октябристов и их лучших людей задача — приложить руку к организации государственной обороны, изгнать из этой сферы рабий дух молчаливства и тлетворную традицию внешней исполнительности, за которыми таится всегда корыстная забота о собственном благополучии, и призвать к жизни окрыленное творческими замыслами свободное делание. Не нужно было быть другом "октябризма", для того чтобы с интересом и симпатией следить за этими замыслами, искренность которых не могла подлежать ни малейшему сомнению. Но старая власть оказалась ревнива и подозрительна. Ей не нужно свободного делания народного представительства; в таком делании ей видится умаление ее прав...

Совет министров, по крайней мере его председатель, вначале разделял иллюзии и мечты октябристов. Об этом свидетельствует та позиция, которую заняло правительство при первом и вторичном обсуждении законопроекта о штатах морского генерального штаба в Государственном Совете. Законопроект провалился при первом обсуждении и вторично внесенный прошел голосами министров и — не был утвержден. Логически за этим должна была бы последовать отставка правительства. Но правительство осталось на месте и, согласно данному ему поручению, разъяснило ст. 96 в ограничительном для прав Думы смысле. Для октябристов, вернее, для их лидера А. И. Гучкова — ибо так же, как у нас нет объединенного правительства, так у нас нет и объединенной октябристской партии — возник вопрос, согнуться ли вместе с П. А. Столыпиным или выпрямиться и перейти в оппозицию. А. И. Гучков решил согнуться, и это решение, принятое, вероятно, одновременно с тождественным решением П. А. Столыпина и в зависимости от этого решения, предопределило собой парламентское обсуждение запроса социал-демократов о разъяснении ст. 96, данном в положении совета министров от 24 августа 1907 г. Октябристы заранее покорились своей

участи людей, которым внушили не зазнаваться и не предаваться мечтаньям, и думские прения по запросу, внесенному социал-демократами, из парламентского суда над правительством превратились во внутрипарламентский суд над октябристами как конституционной партией.

Весь ход этого дела с полной ясностью показал слабость конституционных начал в России.

Запрос, в качестве протагонистов русской конституции, внесли социал-демократы, для которых конституция есть только вопрос факта, а не права. История заставила социал-демократов играть роль октябристов, и нужно сказать по справедливости, они довольно умно и с известным достоинством сыграли эту несколько странную для них роль. Остальные оппозиционные группы следовали за социал-демократами, и со стороны оппозиции прения достигли своего апогея в блистательной речи московского депутата В. А. Маклакова. Главным оратором октябристов по существу дела оказался П. А. Столыпин. После того как волею судеб социал-демократы и следовавшие за ними кадеты и прогрессисты взяли на себя миссию октябристов, только П. А. Столыпин мог пролить бальзам на раны думского центра. Он сам уже успел расправить свои члены после прохождения через клавдинское иго неутверждения спасенного им и его товарищами в Государственном Совете законопроекта и довольно непринужденно убеждал Государственную Думу, что ничего особенного не случилось.

Для этой цели была создана фикция "внутринадельного разверстания", т. е. теория, что разъяснение ст. 96 обращено лишь к правительству и устанавливает лишь те начала, которыми "должны руководствоваться органы исполнительной власти и, в частности, военное и морское ведомства при направлении относящихся к устройству вооруженных сил России законодательных предположений"¹. Эта теория была создана после неутверждения законопроекта о морском генеральном штабе и апрельского рескрипта на имя П. А. Столыпина — она была призвана создать приличный выход из того тупика, в который правительство и октябристов завели их конституционные иллюзии.

В позиции, занятой П. А. Столыпиным и политически дополнявшим его октябристским оратором Савичем (все, что говорил докладчик комиссии небезызвестный октябрист Шубинский, носило на себе печать угодничества, соединенного с полной беспомощностью юридической мысли и только в конце компрометировало октябристов), при отказе, по существу, от конституционной точки зрения, вытекшем из сознания необходимости подчиниться силе, характерно стремление сохранить конституционную видимость. Большинство октябристов, очевидно, признало, что ничего другого они не могут добиться и что необходимо пока утвердиться на фикции "внутринадельного разверстания" и согласиться с П. А. Столыпиным, что никакого умаления прав Государственной Думы не произошло. Рядом с осторожной и приличной речью председателя совета министров известный психологический интерес представляли откровенные глумления бывшего октябриста и чиновника министер-

¹Цитата из журнала совета министров 26 мая 1909 г., приведенная в речи П. А. Столыпина в заседании 31 марта 1910 г.

ства внутренних дел Половцева над русской конституцией. Имел ли г. Половцев тайную миссию дополнить речь г. Столыпина более откровенными заявлениями насчет несуществования русской конституции, или он приватно и в своих собственных видах упражнялся в угодничестве? Только будущее даст ответ на этот вопрос.

Истинное положение вещей метко охарактеризовал правый депутат Шечков, сказавший об октябристах: "Члены комиссии, постановляя отклонить запрос интерpellлянтов, на самом деле в душе с ними соглашаются, потому что на деле отстаивают те же самые нелепые прерогативы того же самого представительства, которые и те отстаивают; они только менее откровенны, чем интерpellлянты, и боятся сказать то, чего не боится сказать член Государственной Думы Гегечкори".

Юридически в самую точку попал октябрист барон Мейендорф, указавший в краткой речи, что разъяснение ст. 96, изложенное в положении совета министров от 24 августа 1910 г., как бы ни относиться к нему по существу (для барона Мейендорфа оно, по-видимому, приемлемо), по порядку своего издания является незаконным. В этом не может быть, конечно, никаких сомнений для логически рассуждающей юридической мысли¹. Истолкование основных законов должно было последовать в законодательном порядке. И тут мы подходим к пункту, весьма характерному для психологии наших правящих сил. Они пуще огня боятся всего, что носит характер уступок, боятся откровенного и последовательного *самоограничения*. Между тем в неуклонном следовании пути законодательного истолкования основных законов заключалось бы именно такое самоограничение.

Барон Мейендорф совершенно правильно указал в своей речи, что правила 24 августа стоят формально юридически на одной линии с актом 3 июня. Можно было бы добавить, что это — маленький акт 3 июня, направленный против октябристов.

* * *

Слабость русской конституции, которую даже г. Гучков назвал однажды "хилым цветком", ярко обнаружилась в политическом бессилии октябристов, капитулировавших перед правилами 24 августа. И покоряясь плохо замаскированному абсолютизму, вся неопозиционная часть Государственной Думы в то же время соперничает с правительством П. А. Столыпина в националистическом рвении.

Национализм есть лозунг правящей бюрократической России, и этому лозунгу вторят и те элементы народного представительства, которые идут вместе с правительством.

В этом одновременном умалении народного представительства и превознесении национального начала заключается целая историческая проблема русского развития.

Весь этот официальный национализм неизбежен при современных политических обстоятельствах уже потому, что только он может психологически скрашивать бессилие и унижение народного представительства.

¹ Юридический анализ вопроса см. в статье В. М. Гессена, напечатанной в июньской книжке "Русской Мысли" за 1910 г.

ва. Он наркотизирует народное представительство и "оправдывает" абсолютизм с его противолиберальной и противодемократической политикой.

Это с полной ясностью обнаруживается на земской реформе в Западном крае. Почему тут современному русскому правительству нужны искусственные мероприятия для противодействия польскому элементу? Потому что правительство 3 июня не может и не желает обратиться к русской демократии. Для демократической России поляки не страшны ни в малейшей степени, но Россия, в которой властвуют земельное дворянство и бюрократия, должна защищаться от поляков искусственными мероприятиями, загородками "национальных курий"*.

Официальный национализм вынужден прибегать к этим методам в стране, где существует несомненное русское большинство, потому что дворянская и бюрократическая Россия не может прикоснуться к земле и черпать силы из русской крестьянской демократии.

Из этого основного факта вытекает вся природа, все глубочайшие противоречия русского официального национализма.

Он вынужден действовать искусственными, а не естественными способами. И это прежде всего сказывается в учреждении для земского представительства так называемых национальных курий. Национальные курии суть везде требования меньшинства, желающего охранить себя от подавления большинством. А у нас дело обстоит иначе, у нас официальный национализм, ради привилегированного класса искусственно пересаженных чиновников-помещиков искусственно превращая русскую крестьянскую массу из большинства в меньшинство, приходит к учреждению национальных курий с целью охранения русского национального большинства Западного края от польского "засилия".

Нам скажут: не все ли это равно, раз цель охраны русской национальности будет этим достигнута? Но существенно именно то, что способ охраны национальности вовсе не безразличен для достижения самой цели.

Было бы наивно думать, что национальное соперничество между русским и польским элементом в Западном крае есть лишь официальная выдумка. Это, конечно, не так. Но именно потому, что это не так, возможна и необходима критика официального национализма с точки зрения им же самим выдвигаемой националистической задачи. Эта чисто политическая критика возможна и необходима совершенно независимо от моральной критики национализма, действующего мерами принудительного ограничения своих соперников. Такая критика, оставляя в стороне вопрос о моральной правомерности насильнического национализма, ставит вопрос об его целесообразности или действительности.

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный. Насильнический национализм отмечен тем глубочайшим противоречием, что он увеличивает, а не уменьшает силы своих противников. Он создает и вырабатывает силы сопротивления самому себе. Насильнический национализм является либо творцом, либо пестуном национальных сознаний и притязаний угнетаемых народностей.

Это противоречие принудительного национализма обнаруживается в том, что он сам очень быстро начинает сомневаться и отчаиваться

в своей собственной силе. На нашем официальном и официозном национализме это сказывается с полной ясностью. Этот национализм хочет непроходимой стеной отделиться от всего нерусского и проводит взгляд на нерусские элементы как на нечто чужеродное, от чего необходимо отмежеваться, с чем страшно соприкасаться. Этот национализм отчаяния в высокой степени характерен для всей проповеди г. Меньшикова.

Следует понять и категорически высказать, что *есть два национализма с диаметрально противоположным отношением к окружающей его, враждебной или индифферентной, "среде"*. Один — национализм свободный, творческий и потому открытый и в подлинном и лучшем смысле завоевательный. Другой — национализм скованный, пассивный и потому вынужденный бояться других и обособляться от них. Это национализм закрытый, или замкнутый и оборонительный. Классическими историческими носителями первого, завоевательного национализма являются англосаксы с тех пор, что они отделались от своей религиозной, протестантской исключительности. Они ничего не боятся и все покоряют. Только такой национализм может создать настоящее "imperium". Те же черты носила и римская государственность в эпоху ее наивысшей мощи и наибольшего расширения.

Классическими историческими носителями второго, оборонительного национализма были в свое время евреи. Отделившись от остального мира и обратившись против христианства, которое было в среде еврейства и для еврейства национальным предательством и ренегатством, евреи спасли свою национальность. Этот закрытый, оборонительный национализм был естествен и даже неизбежен для маленького, тесного и травимого народца, которому приходилось выбирать либо растворение в христианизирующемся эллино-римском мире, либо самосохранение путем национально-религиозного обособления. Еще до появления христианства, в эпоху маккавеев евреи героическим усилием спасли себя от поглощения эллинизмом, но тогда натиск эллинизма в значительной мере был внешним и поверхностным. Христианство величайшего в истории "ренегата" Савла-Павла было гораздо более опасным врагом, чем язычество Антиоха Епифана. Оно грозило изнутри денационализировать евреев. Для евреев той критической эпохи, когда явилось рожденное в недрах иудаизма христианство, христианство означало прозелитизм, а прозелитизм означал растворение и отказ от своего национально-религиозного лица, от своего богоизбранничества. Христианство было мостом от национального иудаизма к космополитическому эллинизму. Отталкивание от христианства определило собой религиозный национализм евреев, а этот последний, в свою очередь, определил собой то отталкивание христианского мира от еврейства, которое составляет все содержание еврейского вопроса как мировой культурной проблемы.

Но здесь я не занимаюсь историческим анализом еврейского вопроса. Ссылка на евреев эпохи их критической, отчаянной борьбы за самосохранение была мне нужна для того, чтобы ею иллюстрировать историческое явление замкнутого и оборонительного национализма в отличие от национализма открытого и завоевательного.

Теперь можно совершенно точно формулировать проблему национальной политики русского народа. Она гласит:

Какой национализм должен проводить русский народ и русское государство? Национализм нового англосаксонского или старого еврейского типа?

Первый национализм открыт для всех, не боится соперничества, сознательно задается прозелитизмом, потому что он верит в то, что он не растворится в море чужеродных элементов, а претворит их в себя и, во всяком случае, рядом с ними окажется более крепким и стойким.

Не может быть никакого сомнения: свободный, открытый, завоевательный национализм есть свидетельство силы и здоровья большой нации.

Но не есть ли он также условие и гарантия этой силы и этого здоровья? Вот основной и роковой вопрос русского политического развития.

По моему глубокому убеждению, это есть вопрос о том, *быть или не быть Великой России*. И тут открывается еще одно противоречие русского официального национализма. Этот национализм — не только творец и пестун национальных сознаний и притязаний угнетаемых национальностей. Официальный национализм усыпляет и расслабляет национализм народный. Свободное соперничество и состязание национальностей есть требование *национальной гигиены*.

В самом деле, русский народ не в том положении, чтобы его приходилось поддерживать такими средствами, к каким поневоле прибегают национальности, которым угрожает или угрожала опасность раствориться в более могущественной национальной и культурной стихии. Наш официальный национализм — парадоксальное, извращенное явление потому, что — во имя чуждых и враждебных народу интересов — он большой силе, которая призвана свободно шириться, навязывает способы и приемы не сильного, а слабого, не нападения, а обороны.

Отгораживаясь от других национальностей и охраняя себя от них государственным щитом, русская национальность не укрепляет, а ослабляет себя. Она не обогащается, а скудеет. Нет положения более бесспорного, чем то, что все великие национальности — весьма сложного этнического состава. Такова же и русская национальность, ассимилировавшая с славянским ядром целое множество других расовых элементов. То же продолжается до сих пор, и в общем и целом только таким путем может расти, шириться и крепнуть русская национальность. Не только национальная плоть, но и национальная душа, культура у великих национальностей всегда многосоставная, плод сложного и длительного ассимиляционного процесса. Дух и политика торжествующего теперь замкнутого национализма стремятся пресечь и затруднить этот процесс ассимиляционного роста, которым создавалась и до сих пор еще создается русская национальность и русская культура. Ведь русская национальность, так же как американская, еще творится, она, как говорят о себе американцы, еще *in the making*¹.

Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосак-

¹ в процессе создания (*англ.*).

сонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи. Об этом, конечно, не может быть речи ни в Финляндии, ни в Царстве Польском, частях империи, имеющих особую судьбу, при которой немислима никакая ассимиляция. Но этот идеал — правда, с большим, чем в Америке, сохранением местных, в известных пределах тоже национальных, особенностей — осуществим для всей остальной империи, ибо на всем пространстве Российской Империи, кроме Финляндии и Польши, приобщение к русской культуре означает подъем на высшую ступень (особое положение занимала бы немецкая культура в Прибалтийском крае, если бы она не была там культурой тонкого верхнего слоя населения, с которым массы народные находятся в историческом антагонизме).

Насильнический национализм отрезывает путь к этому идеалу свободной и органической гегемонии русской национальности и русской культуры. Правда, известное государственное единство возможно без органической гегемонии той или иной национальности, но вне такой гегемонии Россия, как национальное государство, прочно существовать не может.

Вот почему — как это ни звучит парадоксально — торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму. Он не собирает, а дробит государство. Можно этому радоваться или об этом скорбеть, но такова внутренняя логика той политики, которая столь настойчиво проводится теперь нашими официальными националистами. Это — национализм поверхностный, заботящийся лишь о сегодняшнем дне и не заглядывающий в будущее. Об его "национальных куриях" можно сказать: *sic vos pop vobis!*¹

И это не случайно. Наш официальный национализм вовсе не имеет самодовлеющего характера. В нем национальная идея есть психологический козырь в руках дворянско-бюрократической реакции. Она есть средство, а не цель.

Наш воинствующий национализм чрезвычайно слаб именно потому, что он не только не народен, но и прямо противонароден. Национализм может быть подлинной силой только там, где он опирается на самостоятельность широких народных масс. Это верно по отношению к угнетенным национальностям и еще более верно по отношению к такой национальности, которая, как русская, создала самое государство и играет в нем первенствующую роль. Поляки в Познани стали непобедимой для германизма силой лишь тогда, когда их национализм с узкой шляхетской был передвинут на широкую крестьянскую основу и когда соответственно этому польская самооборона из чисто политической стала культурно-хозяйственной, столпом которой является кредитное товарищество. Не политический эмигрант, аристократ или мечтательный интеллигент, не помещик-депутат, а деловитый кооператор, работающий в массах, организовал в Познани польскую народную силу². До тех

¹ так вы (творите), но не для себя! (*лат.*)

² Ср. *L. Bernhard: "Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staate. Die Polenfrage"*. Leipzig, 1907. Русский перевод этой книги готовится к печати.

пор пока главным деятелем русской культуры в Западном крае, задающим ей тон, будет помещик-чиновник, русская культура, как бы ее ни охраняли, будет страдать внутренней слабостью. Охранять и ширить национальную культуру в современных условиях экономической и политической жизни может только народ. Это не политическая фраза, а социологическая теорема, лучшим опытным доказательством которой является история национальной самообороны польского народа в прусском государстве.

Итак, наш официальный национализм в основе своей порочен, ибо поражен глубочайшими внутренними противоречиями. Великому народу, создавшему могущественное государство, не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состязание национальностей. Не ради гуманности, не из соображений справедливости русский народ должен держаться такой политики, а из чувства национального самосохранения и самоутверждения, из здорового национального эгоизма.

Другим пороком торжествующего теперь национализма является его противонародный характер, лишаящий его живых питательных соков, которые может давать лишь широкая демократическая среда. Эту среду чиновничье-помещичий национализм не может призвать к историческому деланию, ибо ее он боится.

Неудивительно поэтому, что он вечно трепещет внешней опасности. Он бессилён связать поляков с государством так, как это сделала Австрия, нашедшая в них твердую опору своего государственного бытия. И потому он боится в их лице Австрии¹.

И в самом деле наш официальный национализм — и в этом его третий порок — не только не укрепляет великодержавное положение России, а, наоборот, ослабляет его. Это тем более существенно, что, в то время как официальная Россия переживает бурный пароксизм национализма, руководящее государство Германии, Пруссия, по-видимому, близка к тому, чтобы из своего политического опыта извлечь наконец надлежащий урок и переставить свою польскую политику на новые рельсы. Скоро, быть может, наступит время, когда одна только Россия будет практиковать политику принудительного национализма. Ибо и в парламентарной Венгрии эта политика переживает глубочайший кризис и находится накануне великих поражений.

Мы несколько не сомневаемся, что так же, как в Венгрии, разрыв с принудительным национализмом у нас будет продиктован здоровой реакцией всего государства и даже самой монархии против близорукоего расшатывания политических скреплений государства. В Венгрии такое расшатывание производилось парламентской олигархией, у нас оно, под тем же флагом национального начала, совершается в интересах абсолютизма, бюрократии и дворянства.

Лишь бы эта реакция не пришла слишком поздно!

¹ См. весьма характерную в этом отношении статью глашатая нашего официального национализма г. Меньшикова "Австро-польские замыслы" ("Новое Время" от 6 мая с. г.).